

**Теория, теология и практика
социальной мобилизации
«Братьев-мусульман»
политико-аналитический обзор**

Июль 2025

Аннотация

"Теория, теология и практика социальной мобилизации «Братьев-мусульман» — политico-аналитический обзор"

Данный аналитический отчет представляет комплексное исследование транснационального исламистского движения «Братья-мусульмане» (аль-Ихван аль-Муслимун), основанного в Египте в 1928 году. Работа анализирует идеологические основы, механизмы социальной мобилизации и современное влияние движения на геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке и в других регионах мира.

Основные разделы отчета:

1. Идеологические и теологические основы — рассматривается эволюция учения от основателя Хасана аль-Банны до современных интерпретаций, включая концепцию постепенного внедрения норм шариата через социальные институты.

2. Практика социальной мобилизации — анализируются методы создания разветвленной инфраструктуры (мечети, школы, клиники, благотворительные фонды) для завоевания народной поддержки и организационные принципы движения.

3. Геополитическое измерение — исследуется роль Турции и Катара как ключевых покровителей движений, идеологически близких «Братьям-мусульманам», их влияние на региональную политику и палестинский вопрос через поддержку ХАМАС.

4. Запреты и подполье — рассматривается ситуация в странах, где движение объявлено вне закона (Египет, Саудовская Аравия, ОАЭ, Россия, страны Центральной Азии), и формы его скрытого существования.

5. Европейское измерение — анализируется проникновение идеологии движения в мусульманские общины Европы через общественные и правозащитные организации.

6. Сравнительный анализ — проводится сопоставление с другими моделями политического ислама: салафизом, шиитским политическим исламом (Иран) и традиционным суфийским исламом.

Отчет содержит актуальную информацию о событиях 2024-2025 годов, включая изменения в Сирии после свержения режима Асада, запрет движения в Иордании и деятельность связанных с «Братьями-мусульманами» организаций в Европе. Работа представляет интерес для политических аналитиков, специалистов по Ближнему Востоку, исследователей исламских движений и лиц, принимающих решения в сфере международной безопасности.

Ключевые выводы: Движение остается значимым фактором региональной политики, несмотря на репрессии; его модель социальной мобилизации продолжает воспроизводиться в различных формах; противостояние сторонников и противников движения определяет линии геополитических расколов в мусульманском мире.

Авторская группа:

Лола Колпина - Доктор социологии, исследователь Хайфского университета

Игорь Каминник – директор Аналитического центра «Дор Мориа», эксперт по вопросам социальной мобилизации

Дан Фаюткин - эксперт по международному праву, председатель наблюдательного совета «Дор Мориа».

О центре «Дор Мориа»: Независимый исследовательский центр, специализирующийся на анализе социального неравенства, солидарных структур, лоббизма и индекса человеческого развития как инструмента политического анализа. Центр разрабатывает практические решения для преодоления социальных расколов и построения эффективного общества на основе принципов солидарности и этического развития.

Введение

«Братья-мусульмане» (араб. *аль-Ихван аль-Муслимун*) – транснациональное суннитское исламистское движение, основанное в Египте в 1928 году учителем Хасаном аль-Банной¹. Идеология движения с самого начала предполагала создание общества и государства, управляемых на основе исламских законов и нравственности, через постепенное религиозно-нравственное возрождение и вовлечение общества в исламскую социальную деятельность². «Братья-мусульмане» позиционируют ислам как всеобъемлющую политico-социальную систему и стремятся внедрять нормы шариата путем реформ существующих систем, активизма и социальных программ.

На современном этапе движение имеет отделения во многих странах мира, хотя степень их координации с египетским центром ограничена и носит скорее символический характер. Отношение государств к «Братьям-мусульманам» поляризовано. С одной стороны, некоторые правительства поддерживали и использовали их модель политического исламизма – в первую очередь Турция (партия АКР Реджепа Эрдогана) и Катар, которые в 2010-е годы стали покровителями братьев-мусульман на Ближнем Востоке³. С другой стороны, ряд государств рассматривает движение как угрозу порядку и безопасности, запрещая его деятельность. Так, Египет (после свержения правительства «Братства» в 2013 г.), Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Сирия, Россия и некоторые центральноазиатские республики объявили «Братьев-мусульман» террористической или экстремистской организацией и преследуют их последователей⁴. Тем не менее, идеология и сети «Ихван» продолжают оказывать влияние на мусульманские сообщества в разных регионах, иногда в скрытой форме. Далее в отчете рассматриваются идеологические основы и механизмы социальной мобилизации движения, анализируется использование его модели Турцией и Катаром для геополитического влияния, степень проникновения идеологии «Ихван» в Европе, а также проводится сравнение с другими исламистскими моделями – салафизмом, шиитским политическим исламом и суфийско-традиционными структурами (особое внимание уделяется тюркским и северокавказским регионам России).

¹ brookings.edu

² aljazeera.com

³ fdd.org

⁴ reuters.com

Идеология, теология и социальная мобилизация движения

Идеологические основы. «Братья-мусульмане» являются старейшим движением политического ислама в арабском мире. Их основатель Хасан аль-Банна провозгласил целью всеобъемлющее возрождение исламского образа жизни и установление справедливого исламского порядка (вплоть до воссоздания халифата) на основе шариата. При этом предполагалось, что достижение этой цели возможно путем воспитания благочестивого общества, проповеди исламской морали и создания параллельных социальных институтов, которые привлекут широкие массы мусульман. С точки зрения теологии, идеологи «**Ихван**» опираются на суннитскую традицию, не вводя строгих новшеств в доктрине, но делая акцент на применении исламских принципов к государственному строю и обществу. Аль-Банна поощрял политизацию ислама – формирование институтов исламского самоуправления, просвещения и благотворительности, чтобы постепенно привить государству и обществу нормы шариата⁵. Позднее, один из ведущих идеологов движения, Сайид Кутб, радикализировал часть учения, выдвинув тезис о джихаде против «неисламских» режимов; его труды заложили основу для более решительных, силовых методов борьбы. Однако официально египетское руководство «Братства» дистанцировалось от прямого насилия: еще во второй половине XX века, после нескольких волн репрессий, организация объявила о приверженности мирному пути и отказе от вооруженной борьбы. Действительно, движение публично заявляет, что много десятилетий назад отказалось от насилия и достигает своих целей исключительно проповедью и политическими средствами.

Таким образом, теологически «Братья-мусульмане» придерживаются основных положений суннизма, однако делают упор на **социальную этику и политическое действие**: ислам представляется не только религией, но и всеобъемлющей идеологией строительства справедливого общества.

Практика социальной мобилизации. Одной из сильнейших сторон «Братьев-мусульман» исторически была их способность организовывать низовые социальные сети и привлекать широкие народные массы через благотворительность и просвещение. В странах, где движение действовало легально или полулегально (например, Египет,

⁵ clingendael.org

Иордания, ранее Сирия), оно создавало разветвленную инфраструктуру мечетей, школ, клиник, благотворительных фондов, молодежных кружков и профессиональных союзов. Такая **исламская социальная работа** решала насущные проблемы беднейших слоев населения – от бесплатного лечения до продовольственной помощи – и тем самым завоевывала лояльность десятков тысяч людей. Социальная база движения формировалась преимущественно из низших и средних слоев (городская беднота, набожная интеллигенция, мелкие предприниматели), разделявших лозунги морального обновления и борьбы с коррупцией. Организационно «Братья-мусульмане» построили дисциплинированную сеть ячеек с сильной иерархией и элементами конспирации (особенно в условиях подполья). Каждому члену прививались принципы личного благочестия, социальной ответственности и готовности подчиняться решению «верховного руководителя» (*Муриид аль-амм*) и совета. Такая структура нередко сравнивалась исследователями с орденской или даже «сектантской» по степени сплоченности и идеологической мотивации.

В более открытых условиях (например, в Иордании или Кувейте) братья-мусульмане создавали официальные политические партии и шли на выборы, добиваясь представительства в парламенте и местных органах власти. В подполье же они делали упор на **да'ва** – призыв к исламу через проповедь и личный пример, постепенно расширяя влияние в социуме. Таким образом, практика социальной мобилизации «Ихван» сочетает *богословие общественного служения* (идея, что служение народу – это служение Аллаху) и *политическую тактику низового строительства институтов*. В итоге к началу арабских восстаний 2011 г. во многих странах Ближнего Востока «Братья-мусульмане» были самой организованной оппозиционной силой с широкой народной опорой благодаря десятилетиям такой работы.

Важно отметить, что, несмотря на декларируемый отказ от насильственных методов, стратегия движения варьировалась в разных странах. Палестинское крыло «Братьев-мусульман» – ХАМАС в Газе – откровенно применяет вооруженную борьбу против Израиля, считая ее джихадом за освобождение оккупированных территорий. В Сирии в конце 1970-х – начале 1980-х местное отделение «Братьев-мусульман» участвовало в антиправительственном восстании и вооруженном сопротивлении

режиму Хафеза Асада⁶. Однако в Египте, Иордании, Тунисе основной корпус движения на рубеже XX–XXI вв. придерживался тактики постепенных реформ и участия в политике, стараясь действовать в рамках законности. Такая эволюция подходов – от подпольной борьбы к умеренному политическому исламу – позволила «Братьям-мусульманам» позиционировать себя как относительно **умеренное** исламское движение, противопоставляя себя более радикальным салафитским джихадистам. Эта гибкость во многом объясняет, почему власти ряда стран до сих пор дифференцированно подходят к «Ихван»: одни видят в них потенциальных партнеров в интеграции исламской оппозиции, другие – скрытую угрозу, способную радикализировать массы.

Турция, Катар и модель «Братьев-мусульман» на Ближнем Востоке

Арабские революции 2011 года дали «Братству» шанс легально прийти к власти (яркий пример – победа на выборах в Египте в 2012 г.). Турция и Катар в этот период выступили ключевыми внешними спонсорами и покровителями движений, идеологически близких «Братьям-мусульманам», стремясь увеличить свое влияние в регионе. Правящая в Турции партия **AKP (Партия справедливости и развития)** под руководством Реджепа Эрдогана разделяет с «Ихван» сходную исламистско-популистскую идеологию⁷. Хотя в самой Турции организации «Братья-мусульмане» как таковой нет, Анкара рассматривала победы родственных движений в арабских странах как возможность сформировать лояльный ей «исламистский пояс». В начале «Арабской весны» турецкое правительство открыто поддерживало партии, связанные с «Братством», – например, партию *Свободы и справедливости* в Египте (Мухаммад Мурси) и движение Эннахда в Тунисе⁸. Турция также предоставляла убежище деятелям «Ихван» из разных стран: после военного переворота 2013 г. сотни египетских исламистов нашли прибежище в Стамбуле. В Сирии Турция долгое время покровительствовала суннитской оппозиции, в рядах которой значительную роль играли бывшие члены сирийского «Братства». Однако ставка Анкары на исламский подъём столкнулась с сопротивлением регионального статус quo: к началу 2020-х годов большинство близких к «Ихван» сил потерпели поражение или были оттеснены (египетское «Братство» разгромлено, в Сирии оппозиция не пришла к власти). Это привело к тому, что Турция оказалась в относительной изоляции – её поддержка

⁶ brookings.edu

⁷ washingtoninstitute.org

⁸ arabcenterdc.org

братьев-мусульман испортила отношения с Саудовской Аравией, ОАЭ и особенно с новым египетским режимом Ас-Сиси⁹. Осознав провал «гегемонистской» стратегии, с 2021 г. Эрдоган пошёл на примирение с оппонентами: Анкара ограничила деятельность египетских исламистских медиа на своей территории и попыталась восстановить связи с Каиром и монархиями Залива¹⁰. Тем не менее, неофициально Турция продолжает рассматриваться как покровитель умеренного политического ислама в регионе, а риторика турецких лидеров (особенно в адрес Палестины)озвучна идеям «Братьев-мусульман».

Катар – другой ключевой игрок, связанный с «Братством». Эта небольшая монархия на протяжении последних десятилетий последовательно поддерживала исламистские движения для усиления своего влияния, выступая своего рода «меценатом» политического ислама¹¹. В самом Катаре отделение «Братьев-мусульман» формально самораспустилось еще в 1999 году, однако Доха предоставляет финансовую и медийную поддержку идеологически близким организациям за рубежом¹². В частности, катарский телеканал *Аль-Джазира* долгое время был рупором пропаганды, благожелательной к «Ихван». Эмират открыто приютил ряд знаменитых идеологов движения – к примеру, шейх Юсуф Аль-Карадави, духовный авторитет «Братьев-мусульман», жил и работал в Дохе десятилетиями. Катар также оказывал значительную финансовую помощь сектору Газа, находящемуся под властью ХАМАС (палестинского крыла «Ихван»). Например, через согласование с Израилем катарские деньги направлялись на оплату топлива и зарплат в Газе, что укрепляло позиции ХАМАС.

За поддержкой ХАМАС стоит и идеологическая солидарность – Катар и Турция фактически выступают спонсорами палестинского братства-мусульман, в то время как их региональные соперники объявляют ХАМАС террористической группировкой.

Показательно, что и Анкара, и Доха рассматривают движение ХАМАС не как террористов, а как **легитимное освободительное движение**. По данным аналитиков, Катар служит штаб-квартирой политического руководства ХАМАС за пределами Газы, тогда как Турция позволяет действовать на своей территории финансово-логистическим центрам ХАМАС¹³. Таким образом, оба союзника – Эрдоган и эмир Тамим – разделяют

⁹ en.wikipedia.org

¹⁰ arabcenterdc.org

¹¹ ispionline.it

¹² clingendael.org

¹³ fdd.org

видение «Братьев-мусульман» по переустройству региона и активно поддерживают их единомышленников, что сближает Турцию и Катар как стратегических партнеров на Ближнем Востоке.

Однако турецко-катарская линия вызвала резкую реакцию со стороны других ближневосточных держав. В 2017 году Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет организовали беспрецедентную блокаду Катара, прямо обвинив Доху в поддержке терроризма – под которым подразумевались прежде всего «Братья-мусульмане» и ХАМАС. Эр-Рияд и Абу-Даби требовали от Катара разорвать связи с исламистами; в частности, саудовский МИД заявлял, что Катар «должен прекратить поддержку ХАМАС и „Братьев-мусульман“».

Этот дипломатический кризис продемонстрировал глубину раскола в суннитском мире: с одной стороны, **радикально настроенный про-ихвановский блок** (Турция, Катар, ранее исламистские правительства Египта при Мурси и частично правительства Триполи в Ливии), с другой – **консервативный про-статус-кво блок** (monархии Залива во главе с Саудовской Аравией, светские режимы как нынешний Египет), видевший в «Братьях-мусульманах» угрозу своей власти. В результате «Братья-мусульмане» как организация были признаны террористической в Саудовской Аравии и ОАЭ (2014), а Катар оказался под сильным давлением соседей. Лишь в 2021 году блокада была снята, но противоречия по поводу исламистов сохранились. Турции также пришлось пойти на потепление отношений с саудовцами и эмиратцами, что сопровождается свертыванием открытой поддержки «Братства» со стороны Анкары¹⁴. Тем не менее, турецкое руководство не отказалось от собственной исламистской повестки, продолжая продвигать мягкую силу через религиозную дипломатию (например, Управление по делам религии – Диянет – и турецкие исламские культурные центры за рубежом), хотя и более осторожно.

Газа, Израиль и Палестина. Особое место в стратегии Турции и Катара занимает палестинское направление. Движение ХАМАС, управляющее сектором Газа, исторически является филиалом «Братьев-мусульман» в Палестине (основано в 1987 г. как ответвление египетского «Ихван»)¹⁵. Катар с 2000-х годов стал главным спонсором Газы, финансируя гуманитарные проекты, инфраструктуру и выплачивая пособия, что

¹⁴ arabcenterdc.org

¹⁵ brookings.edu

де-факто поддерживает власть ХАМАС. Турция также вкладывалась в проекты в Газе и политически поддерживала ХАМАС на международной арене. После вооруженного конфликта в Газе (особенно заметно в событиях 2023–2024 гг.) Анкара позиционирует себя как защитник прав палестинцев, не раз осуждая Израиль в резких выражениях и ведя переговоры с ХАМАС как с легитимным игроком¹⁶. В самой же Палестинской автономии (на Западном берегу) поддержку Турции и Катара исламистам рассматривают с тревогой: правящая там светская партия ФАТХ воспринимает усиление ХАМАС как угрозу своему выживанию. Таким образом, «братско-мусульманская» модель используется Катаром и Турцией для закрепления влияния в палестинском вопросе, что конкурирует с влиянием традиционных арабских держав и Ирана.

Страны, запретившие движение, и Центральная Азия. В ряде государств движение «Братья-мусульмане» официально вне закона, и его деятельность там уходит в подполье или заменяется идеологически близкими группами. Классический пример – **Египет**, родина движения: после военного переворота 2013 года правительство генерала Ас-Сиси разогнало партию «Свободы и справедливости», арестовало тысячи активистов и признало само движение террористической организацией. К 2020-м годам фактически все руководство египетского «Братства» либо находится в тюрьмах, либо эмигрировало (в Турцию, Катар, Великобританию и т.д.). Несмотря на жесткое давление, полностью искоренить подпольные сети не удалось – время от времени возникают сообщения о локальных ячейках и акциях протesta, хотя масштаб несравним с прошлым. **Саудовская Аравия и ОАЭ** после 2011 года также заняли бескомпромиссную позицию: они не только запретили любые проявления «Ихван» у себя, но и оказывали давление на союзников (например, на Судан до 2019 г., на Йеменское правительство) с целью маргинализации про-братьских сил¹⁷. Эти монархии считают идеологию «Братьев-мусульман» опасной, поскольку она ставит под сомнение легитимность наследственной власти и призывает к народному участию в политике под исламскими лозунгами. Для династий Залива такой политизированный ислам равносителен подрывному революционному движению.

¹⁶ fd.org

¹⁷ clingendael.org

В Сирии еще с 1980 года членство в «Братьях-мусульманах» карается смертной казнью – соответствующий закон принял режим Хафеза Асада после жестокого подавления восстания «Ихван» в городе Хама. Поэтому сирийское «Братство» десятилетиями действовало из изгнания. Только с началом гражданской войны 2011 г. его влияние частично восстановилось через коалицию оппозиции, однако из-за фрагментации сирийских повстанцев говорить о ведущей роли «Ихван» не приходится. Тем не менее, Дамаск официально представлял всю светскую и исламистскую вооруженную оппозицию единым блоком «экстремистов».

После свержения режима Асада (декабрь 2024 г.) аль-Шаар возглавил переходное руководство и 29 января 2025 г. был провозглашён президентом. Его базовая опора — структура **Hay'at Tahrir al-Sham (HTS)**, эволюционировавшая из бывшего сирийского филиала «Аль-Каиды».

Сирийское мусульманское братство (СМБ) пытаются легализовать партию Al-Wa'ad (National Party for Justice and the Constitution).

Министерство юстиции временного правительства дважды откладывало регистрацию, ссылаясь на несоответствие устава конституции 2025 г.¹⁸

Иордания и ряд арабских монархий увязывают фин- и дипподдержку Дамаску с сохранением «красной линии» против СМБ; это усиливает осторожность аль-Шаара.¹⁹

В публичных выступлениях (Victory Speech, янв 2025) он ни разу не упомянул СМБ, предлагая «партнёрство всех патриотических сил», но близкие советники подчёркивают «нежелание повторить египетский сценарий 2012–2013 гг.».²⁰

СМБ взяли более умеренный тон, надеясь войти в легальное поле.

Аль-Шаар рассматривает их как потенциальных политических конкурентов, но пока сохраняет «тактическое перемирие».

Прямая организационная связь HTS-СМБ не подтверждается; речь идёт о параллельном существовании и переговорах о легальном статусе.²¹

Ирак и Иордания исторически терпели у себя умеренные партии, связанные с «Братьями-мусульманами» (в Иордании Исламский фронт действовал полулегально и даже имел депутатов в парламенте). В сентябре 2024 года Исламский фронт действия (ИФД) добился значительных успехов на парламентских выборах в Иордании : предварительные результаты, опубликованные в среду, показали, что крупнейшая оппозиционная партия получила 32 места. «Исламский фронт действия» получил 18 мест по партийному списку после подсчета полумиллиона голосов и 14 мест по местным спискам, в том числе в племенных регионах.

¹⁸ en.imarabic.com

¹⁹ Worldcrunch

²⁰ FDD

²¹ New Lines Magazine

23 апреля 2025 года Министерство внутренних дел объявило «Братьев-мусульман» вне закона. Незаконными признаны членство и распространение идеологии. Силы безопасности незамедлительно обыскали объекты, связанные с движением; офисы политического крыла — «Исламского фронта действия» (ИИФ) — также подверглись проверкам, хотя сама партия формально не запрещена.²²

Мера продолжает линию Кассационного суда 2020 г., но в отличие от предыдущего решения обеспечивает фактическую имплементацию запрета. Цель — нейтрализовать остаточные структуры движения и сдержать рост его популярности на фоне народного недовольства войной в Газе.

Марокко до недавнего времени являлось примером интеграции партии исламской направленности (Партия справедливости и развития, связанная с братьями-мусульманами) в политическую систему — она даже возглавляла правительство в 2010-х. Тем не менее, в 2021 г. эта партия потерпела поражение на выборах, отчасти из-за давления королевской власти.

В Российской Федерации движение «Братья-мусульмане» было запрещено Верховным судом еще в 2003 году как экстремистская организация, наряду с рядом других исламистских групп (Хизб ут-Тахрир, Лашкар-э-Тайба и др.)²³. Российские власти мотивировали запрет тем, что подобные движения обвиняются в стремлении «разжечь глобальный джихад и восстановить халифат». Опасения Москвы во многом связаны с собственной многонациональной мусульманской популяцией: Кремль исторически боится экспорта революционного ислама, который мог бы вдохновить сепаратизм или терроризм внутри РФ. В постсоветский период идеи «Братьев-мусульман» действительно проникали на Северный Кавказ и в Поволжье, но чаще в виде литературы, интернет-проповеди или через мигрантов, получивших образование на Ближнем Востоке. Публично действующих структур «Ихван» в России не было (и нет), однако их идеологию власть включает в общий список «чуждых» радикальных влияний наряду с салафизмом. Примечательно, что еще в 1990-е в России предпринимались попытки создать исламские партии возрождения — например, партия «Исламский путь» или «Исламская возрожденческая партия» (ИВП) с отделениями в разных республиках.

²² chathamhouse.org

²³ washingtoninstitute.org

Эти организации во многом вдохновлялись идеями политического ислама, схожими с «Братьями-мусульманами». Так, ИВП в Таджикистане официально сотрудничала с БМ и имела транснациональные контакты²⁴. После гражданской войны в Таджикистане ИВП была единственной легальной исламской партией в Центральной Азии, но в 2015 г. ее запретили, обвинив в попытке переворота. В январе 2020 года таджикские власти провели массовые аресты: **113 человек были задержаны по обвинению в принадлежности к «Братьям-мусульманам»**, которые к тому моменту уже много лет находились под запретом²⁵. Среди арестованных оказались даже чиновник мэрии и более 20 университетских преподавателей. Эти репрессии показывают, насколько серьезно постсоветские авторитарные режимы воспринимают угрозу организованной исламистской оппозиции. Подобная картина наблюдается и в Узбекистане (где еще с 1990-х преследуют любые не подконтрольные государству исламские объединения) и в Казахстане. В странах Центральной Азии деятельность «Братьев-мусульман» официально не проявляется, но идеи могут проникать через интернет и трудовых мигрантов. Власти же нередко объявляют «братьями» и другие группы – например, в Казахстане под запретом secta «Таблиги Джамаат», в Таджикистане и России преследуют сторонников турецкого богослова Саида Нурси («Нурджулар»), хотя прямой связи с египетским «Ихван» у них нет. В целом в условиях запрета **организационная модель «Братьев-мусульман» либо уходит в тень (ячейки-конспиративы)**, либо ее место занимают менее иерархичные сети единомышленников. Тем не менее, идеи политического ислама – призывы жить «по шариату», критика светских элит с исламских позиций – продолжают будоражить умы и в этих регионах, что подтверждают регулярные уголовные дела против подпольных исламистов.

Проникновение идеологии «Братьев-мусульман» в Европе

В Европейском союзе и других странах Запада идеология «Братьев-мусульман» распространяется главным образом через иммиграционные мусульманские общины. Начиная с 1950–60-х годов, в Европу перебрались многие члены «Ихван», бежавшие от преследований на родине (например, в ФРГ обосновался один из лидеров – Саид Рамадан). Они основывали исламские центры и объединения, которые со временем превратились в влиятельные организации мусульманской diáspora. В отличие от

²⁴ [clingendael.org](https://www.clingendael.org)

²⁵ [reuters.com](https://www.reuters.com)

открытых политических партий на Ближнем Востоке, в Европе сторонники «Братьев-мусульман» действуют через **общественные, религиозные и правозащитные структуры**. Их влияние долгое время оставалось мало заметным для широкой публики, однако спецслужбы и эксперты указывали, что под лозунгами защиты прав мусульман эти группы продвигают фундаменталистскую повестку.

В 2025 году во Франции разгорелся скандал вокруг правительственного доклада, который утверждал, что связанные с «Братьями-мусульманами» организации ведут значительное лоббирование в институтах Евросоюза²⁶. Согласно этому докладу, *идеологические союзники «Ихван»* пытались воздействовать на Европарламент и другие органы, добиваясь, например, ужесточения законов о богохульстве и продвижения особого понимания религиозной свободы, несовместимого со светскими принципами Франции. Причем такая деятельность маскировалась под борьбу с «исламофобией» – выдвигались инициативы против дискриминации мусульман, которые, однако, неявно содержали элементы исламистской идеологии. Доклад прямо указывает на **паневропейские структуры**, разделяющие взгляды «Братьев-мусульман». В их числе названы: **Совет европейских мусульман (СЕМ)** – организация, в руководстве которой состоят лица из ближнего круга «Ихван»; **Форум европейской мусульманской молодежи и студенческих организаций (FEMYSO)** – представленный как своего рода кадровый резерв и учебная площадка для будущих функционеров «Братства». Утверждается, что эти структуры финансировались из-за рубежа, в частности получали средства от Катара и Кувейта (оба государства известны поддержкой исламских проектов за границей). Сами упомянутые организации опровергли обвинения, однако правительства ряда стран ЕС встревожены. Французский президент Эммануэль Макрон потребовал от своего кабинета подготовить меры по противодействию влиянию «Братьев-мусульман» и их идеологии в стране.

Ранее, в 2020 г., власти Австрии также публиковали карту исламских организаций, причастных к политическому исламу, подразумевая главным образом сети «Ихван». В Великобритании еще в 2015 году проводилось официальное обследование деятельности «Братства», которое пришло к выводу, что хотя формально запрещать организацию нецелесообразно, следует внимательнее следить за ее связями. В целом большинство стран Европы **не запрещают** «Братьев-мусульман» как таковых (они не признаны террористами на уровне ЕС), но относятся к ним с настороженностью. Европейские

²⁶ politico.eu

политики отмечают, что риторика «Ихван» в общинах часто носит двойственный характер: публично – защита прав мусульман и участие в межконфессиональном диалоге, непублично – пропаганда изоляционизма, параллельного уклада жизни по законам шариата, критика либеральных ценностей²⁷. Некоторые радикальные исламистские инциденты в Европе (например, призывы к несправедливости светских законов, агитация против интеграции) увязываются экспертами с влиянием именно **идеологии «Братьев-мусульман»**, которая характеризует западное общество как духовно банкротное и призывает к «возрождению уммы»²⁸.

Следует подчеркнуть, что деятельность европейских сторонников «Братьев-мусульман» обычно **ненасильственная** – они дистанцируются от терроризма, выступают против ИГИЛ и Аль-Каиды. Это позволяет им легально действовать как неправительственные организации, благотворительные фонды или культурные общества. Их опасность, по мнению спецслужб, состоит в **долгосрочной стратегии**: выращивании у молодого поколения мусульман чувства отделенности от западного общества и готовности в будущем поддержать политический ислам. В некоторых странах (например, в Бельгии, Австрии) вскрывались случаи, когда чиновники или имамы, связанные с идеями «Ихван», получали влияние на местном уровне, лоббировали учебные программы исламских школ и пр.²⁹.

В то же время, есть и противоположная точка зрения: часть исследователей и политиков считает преувеличенной угрозу «тихой исламизации» через «Братьев-мусульман». Они указывают, что европейские мусульмане весьма разнородны, уровень религиозности снижается во втором-третьем поколении, а влияние ближневосточных идеологов ограничено. Тем не менее, фактом остается наличие **разветвленной инфраструктуры** организаций, исторически связанных с «Ихван», по всей Европе – от Федераций исламских организаций в Европе (ныне Совет европейских мусульман) до локальных объединений в отдельных странах. Их идеологическая архитектура уходит корнями в концепции аль-Банны, но адаптирована под европейский контекст – акцент делается на **правах меньшинств, антидискриминации и гуманитарной риторике**, что затрудняет противодействие им в правовом поле³⁰.

²⁷ thefp.com

²⁸ henryjacksonsociety.org

²⁹ trendsresearch.org

³⁰ politico.eu

Сравнительный анализ: «Братья-мусульмане» и другие модели политического ислама

Исламский мир не монолитен, и кроме модели «Братьев-мусульман» существуют иные идеологические течения, предлагающие свои варианты соединения религии и политики. Рассмотрим кратко три крупные парадигмы и их соотношение с «Ихван»: **салафизм, шиитский политический ислам и суфизм** (традиционный ислам).

Салафизм vs «Братья-мусульмане»

Салафизм – течение суннитского исламского возрождения, призывающее вернуться к «чистоте» веры первых поколений мусульман (саляф). Салафиты делают упор на строгое единобожие, буквальное следование Корану и Сунне и очищение веры от позднейших «новшеств» (бода’). В идеологическом плане это движение значительно **более консервативно и буквалистски**, чем братья-мусульмане. Если «Ихван» допускают современные формы организации (партии, парламенты), то многие салафиты изначально отвергали демократии и национальные государства как чуждые исламу изобретения. Например, *вахабизм* – саудовская разновидность салафизма – обосновывает легитимность абсолютной монархии религиозным тезисом о необходимости подчинения правителю, пока он не нарушает исламские принципы³¹. Таким образом, классический салафизм поддерживает авторитарное правление, считая смуту (фитна) худшим злом. В противоположность этому, идеология «Братьев-мусульман» ставит целью создание «современной исламской демократии» с опорой на большинство верующих. Хасан аль-Банна, как отмечалось, стремился внедрить исламские нормы в институты государства, тогда как салафиты зачастую стремятся оградить веру от «нечестивого» государства или подчинить общество теократическому правителю. По сути, **салафизм и ихванизм – конкурирующие модели суннитского ислама**: первая апеллирует к прошлому и часто пассивна политически (если не брать джихадистов), вторая устремлена в будущее и активно конструирует альтернативные институты.

На практике отношения между этими движениями были сложными. **Братья-мусульмане** обвиняли крайних салафитов в изоляции от реальных проблем общества, а те, в свою очередь, считали «Ихван» слишком новаторскими и готовыми поступаться чистотой веры ради власти. В Египте 1970–80х салафиты критиковали «Братство» за

³¹ clingendael.org

участие в выборах и диалог с светским режимом. После революции 2011 г. египетские салафиты даже создали отдельную партию ан-Нур, чтобы конкурировать с «Ихван» на политическом поле – фактически это была попытка предложить более доктринерскую версию шариатского государства. В некоторых случаях, однако, салафиты и ихванисты заключали тактические альянсы (например, против светских режимов). Тем не менее, **богословские расхождения** остаются глубокими: салафиты отвергают многие элементы народного ислама и суфизма, тогда как у «Ихван» исторически были контакты и с суфийскими братствами (сам аль-Банна в юности участвовал в суфийском ордене) и они более гибко относятся к местным обычаям.

В контексте **России** и соседних регионов (туркские республики, Северный Кавказ) эти различия отчетливо проявились. *«Братья-мусульмане» как организация в РФ не укоренились*, но идеи политического ислама проникали через литературу и выпускников ближневосточных вузов. Однако куда более массовое влияние получил **салафизм/ваххабизм** – особенно в Северном Кавказе с 1990-х годов³². Молодые мусульмане, получившие образование в Саудовской Аравии, Кувейте, ОАЭ, принесли с собой строгие салафитские взгляды и начали критиковать местных духовных лидеров за «нововведения» и лояльность светскому государству³³. Салафиты на Кавказе осудили суфийские традиции как ересь (ширк) – например, поклонение на могилах святых, зикры – и потребовали вернуться к «чистому исламу» времен пророка. Это привело к острому **конфликту Салафи–Суфи** в ряде республик. В Дагестане, Чечне, Кабардино-Балкарии 1990–2000х происходили вооруженные столкновения и теракты, вдохновленные салафитским джихадизмом, который черпал идеи не у «Ихван», а у более радикальных идеологов типа Ибн Таймии, Кутба (его самые радикальные трактовки) и современников из Аль-Каиды. Российская власть стала воспринимать «салафизм» как синоним *терроризма*, хотя на самом деле часть салафитов были аполитичными. Тем не менее, именно салафиты составили идеологическое ядро чеченского сопротивления (Шамиль Басаев, Хаттаб и др. проповедовали ваххабизм) и дагестанского подполья.

«Братья-мусульмане» vs салафиты в РФ: На Северном Кавказе приверженцы «Ихван» были крайне малочисленны или скрыты, зато идеи их постепенной исламизации во многом дискредитированы из-за радикализации конфликта. Можно

³² valdaiclub.com

³³ wilsoncenter.org

сказать, что в российских мусульманских регионах роль организатора оппозиционного исламистского движения сыграли салафитские течения, а не умеренные ихванисты. С другой стороны, в тех же регионах, где доминирует традиционный ислам (суфизм), «Ихван» могли бы найти нишу среди образованных горожан, но из-за жесткого контроля государства этого не произошло. В Татарстане и Башкирии (турецкие регионы РФ) идеи политического ислама распространялись в 1990-е внутри легальных общин, однако быстро были взяты под надзор муфтиятов. Здесь также отмечалась некоторая популярность Хизб ут-Тахрир – транснациональной исламистской партии, более радикальной, чем «Ихван», требующей создания всемирного халифата без участия в выборах. Хизб ут-Тахрир, как и «Ихван», запрещена и преследуется (в Татарстане были аресты ячеек). В итоге, в современных российских реалиях **«традиционные» (суфийские) духовные управления при поддержке государства противостоят «альтернативному исламу»**, который представлен в основном подпольными салафитами и меньшей мерой другими течениями.

Идеологически же «Братья-мусульмане» отличаются от салафитов **более развитой социальной доктриной и политической программой**. Если салафизм в чистом виде зачастую аполитичен (призыв сосредоточиться на личном благочестии), то «Ихван» требуют от мусульман активного участия в преобразовании общества. Салафиты в России, будучи меньшинством, компенсируют это активностью и сплоченностью молодежи – **«они более подвижны и заметны в социополитической жизни, несмотря на малочисленность»**, тогда как традиционное большинство пассивно³⁴. В этом смысле, методики мобилизации салафитов и «Ихван» схожи – ставка на молодежь, на сеть кружков – но идеологическое наполнение различно. Не случайно правящие элиты на Ближнем Востоке, борясь с «Ихван», часто опирались... на салафитов! Например, в Египте 2013 г. салафитская партия ан-Нур поддержала военных против братьев-мусульман, а Саудовская Аравия продвигала по региону свою формулу ваххабизма как альтернативу ихванистскому популизму³⁵. Саудовская и эмирская пропаганда утверждала, что **«Братья-мусульмане сеют хаос революций, а истинный ислам – послушание и порядок»**, таким образом легитимируя монархический статус-кво. В итоге противостояние салафизма vs ихванизм – это не только теологический спор, но и геополитический: две суннитские модели за влияние в умме.

³⁴ valdaiclub.com

³⁵ clingendael.org

Шиитские политические структуры vs «Братья-мусульмане»

Шиитский политический ислам наиболее ярко воплощен в Исламской Республике Иран и движениях, ею инспирированных (ливанская «Хезболла», иракские шиитские партии, хути Йемена и др.). Он исторически развивается отдельно от суннитского мира, но сравнение полезно, чтобы увидеть общие черты и различия.

Главное отличие – **конфессиональная природа**: шииты опираются на собственную иерархию духовенства и догмат о **ولایت فقیہ** (*велайат-е факих*, «власть исламского правоведника»). Если у суннитов-«Ихван» нет института церковной власти (у них нет единого «муфтията» на весь мир, лишь совет «Гида» в Египте с ограниченным влиянием)³⁶, то иранская модель предполагает, что верховный лидер-аятолла обладает прямой теократической властью как наместник имама. *«Братья-мусульмане не имеют собственной разработанной юриспруденции применения шариата, в отличие от иранской теории велайат-е факих»*, отмечают аналитики³⁷. По сути, руководство «Ихван» часто довольно **расплывчично** говорит об «установлении шариата», не имея четкого плана, тогда как шиитские идеологи (Рухолла Хомейни и последователи) создали подробную доктрину исламского государства. Это приводит и к различиям в практике: иранский режим – открыто **клерикальный и антизападный**, он выстраивает внешнюю политику на экспорте революции и противостоянии США/Израилю. «Братья-мусульмане» тоже враждебно относятся к западному влиянию и призывают к построению глобального исламского порядка, свободного от гегемонии Запада. Но их подход более **эволюционный**: например, в период правления в Египте (2012) они не рвали отношения с Западом, считая, что сначала надо укрепить исламское правление внутри страны, а уж потом переходить к внешним амбициям. Иран же с первых дней после революции 1979 г. позиционировал себя как *«оплот сопротивления Западу»*, невзирая на изоляцию.

Другой аспект – **организационный и социальный**. «Братья-мусульмане» – массовое движение снизу, возникшее как реакция на колониализм и упадок ислама в обществе; оно вербовало широкие слои, создавая разветвленные сети. Шиитские структуры тоже могут быть массовыми (например, «Басидж» в Иране – милиция из сотен тысяч добровольцев, ливанская «Хезболла» имеет социальные крылья), но они

³⁶ brookings.edu

³⁷ washingtoninstitute.org

сильнее интегрированы с государственными или полу-государственными институтами (КСИР в Иране, правящая партия «Дауа» в Ираке и т.п.). Можно сказать, что **шиитский политический ислам более централизован и милитаризирован**. Характерный пример – ливанская «Хезболла»: это фактически партия-милиция, которая завоевала доверие шиитского населения через сопротивление Израилю и обширную систему социальной поддержки – школы, больницы, пособия. В этом она похожа на «Ихван» (также обеспечивает благосостояние сторонников), но подконтрольна иранским духовным наставникам, идеологически мотивирована доктриной *велайат-е факих* (лидер «Хезболлы» шейх Насралла признает власть аятоллы Хаменеи). У «Братьев-мусульман» нет внешнего «верховного лидера» – их международная организация носит скорее координаторский характер и не способна навязать линию отделениям³⁸. Например, сирийское братство не всегда соглашалось с египетским, иорданское имело свою повестку.

Взаимоотношения между «Ихван» и шиитскими силами исторически были сложными. Первоначально многие суннитские исламисты приветствовали иранскую революцию 1979 г. – как триумф политического ислама. Хомейни даже получал поздравления от «Братьев-мусульман». Однако позже, с ростом конфессионального раскола (особенно после иракской и сирийской войн), **суннитские исламисты дистанцировались от Ирана**. Сирийское «Братство» видело в Иране оплот шиитского лагеря, поддерживавшего режим Асада против суннитского большинства. Египетское «Братство» в период Мурси пыталось было наладить отношения с Тегераном, ориентируясь pragmatically, но эта инициатива встретила сопротивление со стороны египетских салафитов и суннитской улемы³⁹. Саудовская Аравия в своей пропаганде выставляет и «Братьев-мусульман», и Иран как равноопасных экстремистов, хотя на деле между ними и саудитами гораздо больше ненависти к «Ихван».

В тюркских и кавказских регионах России шиитский фактор играет небольшую роль – подавляющее большинство мусульман там сунниты (Ханафиты и Шафииты). Есть отдельные шиитские общины (азербайджанцы-шииты в Дагестане, некоторые этносы в Дагестане и на Волге исповедуют шиитский ислам), но они политически не активны. В соседнем Азербайджане (турецкая страна, шиитское большинство) иранское

³⁸ brookings.edu

³⁹ washingtoninstitute.org

влияние пыталось укорениться через пропаганду и сеть религиозных школ, однако светский режим жестко подавил откровенно про-иранские организации. Азербайджанские шииты создали свою партию «Исламское возрождение» в 1990-е, но и ее быстро ликвидировали.

Таким образом, в постсоветском тюркско-кавказском пространстве шиитская политическая модель мало заметна или существует подпольно. В самой РФ государство поддерживает отношения с официальными шиитскими лидерами (например, с представителями Управления мусульман Кавказа в Азербайджане) и не выделяет шиитские общины как угрозу, поскольку они малочисленны. Более того, российская внешняя политика дружит с Ираном, а внутри страны шиитов не демонизируют так, как салафитов.

Сравнивая идеологически: «Братья-мусульмане» апеллируют к панисламскому единству всех суннитов, тогда как шиитские политструктуры часто носят **отчетливо сектантский характер**, заботясь преимущественно о шиитской общине и ее геополитических интересах. Шиитский исламизм, в лице Ирана, воспринимается «Братством» двойственno – как вдохновляющий пример исламского государства, но и как **конкурент за лидерство в умме**. В риторике «Ихван» обычно подчеркивают необходимость сближения с шиитами против общего врага (Запада или Израиля), но на практике конфликты в Сирии, Ираке, Йемене показали, что союз нереален. Суннитские исламисты ближе по духу к Турции (не случайно Эрдоган для многих из них – герой), чем к шиитским аятоллам.

Суфизм и традиционный ислам vs «Братья-мусульмане»

Суфизм – мистико-аскетическая традиция в исламе, выраженная в орденах (*тарикатах*) под руководством шейхов. Исторически суфийские братства были важными социальными институтами, особенно в сельских и горных регионах, однако их роль в политике обычно косвенная. Суфии проповедуют смирение, духовное самосовершенствование и часто лояльность к правителям, если те не препятствуют религиозной жизни. В этом плане суфизм представляет **«традиционный ислам»**, который существовал до возникновения современных политических движений.

Отношения между суфизмом и «Братьями-мусульманами» двойственны. С одной стороны, многие основатели и ранние члены «Ихван» имели суфийский бэкграунд (аль-Банна был связан с тарикатом Хасафия). В первые десятилетия движение не противопоставляло себя суфиям и даже перенимало некоторые практики организации

(идея братства, присяги). С другой стороны, по мере радикализации и модернизации, «Ихван» стали критически смотреть на крайности суфизма – поклонение могилам, куль святых – считая, что это отвлекает от общественной борьбы. Они перенесли акцент на **активизм здесь и сейчас**, тогда как суфии зачастую уходили от социальных проблем в сферу духовных упражнений.

В политическом отношении современные суфийские лидеры нередко поддерживают **власти против исламистов**. Во многих странах правительства культивируют «традиционный ислам» как противовес радикалам. Особенно это заметно в **России** и ряде постсоветских стран. Кремль открыто считает, что **суфизм – идеальный антидот против салафизма**, поскольку учит ненасилию и покорности, а также раскалывает мусульман на разные тарикаты, не давая сплотиться против государства⁴⁰. В Чечне лидер республики Рамзан Кадыров сам сторонник тариката Кадирия и провозгласил суфийскую идентичность частью региональной политики (официозный ислам Чечни – суфийского толка). Суфийские шейхи получают поддержку и финансирование, в обмен одобряя власть. Подобное **«срощивание» государства и суфизма** несет, правда, риски: народ может начать видеть в суфийских наставниках просто прислужников режима⁴¹. Тогда привлекательность их падает, а молодежь тянется к более «чистому» исламскому протесту – салафизму. Так и произошло на Кавказе: молодые, образованные мусульмане стали воспринимать суфийских имамов как «старый коррумпированный порядок», и салафизм для них стал формой бунта против патриархальной традиции. В результате **суфизм перестал быть объединяющей идеологией сопротивления** (как это было в имamate Шамиля в XIX веке) и стал ассоциироваться со статус-кво.

По отношению к «Братьям-мусульманам», суфийские лидеры часто занимают настороженную позицию: они опасаются массовых политизированных движений, которые могут уничтожить их исконное влияние. С другой стороны, братья-мусульмане не делают суфизм главным врагом (в отличие от салафитов). В риторике «Ихван» суфии скорее заблуждаются, уходя от активной жизненной позиции, но не являются врагами ислама. В некоторых странах, например в Судане в 1980-х, «Братья-мусульмане» даже заручались поддержкой части суфийских орденов, обещая уважать их. Тем не менее, стратегически **модели сильно различаются**: суфийские братства строятся вокруг

⁴⁰ ciaotest.cc.columbia.edu

⁴¹ wilsoncenter.org

локальных святых, родовых общин, иерархии шейх-мюрид. «Ихван» же – модерная организация с политической программой, она транснациональна и идеологична. Можно сказать, что **суфизм – более социально-культурный феномен, а «Братья-мусульмане» – идеологико-политический**.

В тюркских регионах России (Татарстан, Башкортостан) исторически тоже присутствовал суфизм (орден Накшбандия и др.), но там он менее заметен, чем на Кавказе. Татары и башкиры придерживаются Ханафитского мазхаба, для которого суфийские практики – личное дело, а не общественное движение. В советское время официальное духовенство дистанцировалось от тарикатов. Сегодня власти Татарстана продвигают концепцию *«традиционного ислама»*, включающего элементы суфизма, народных обычаев, лояльности государству. «Братья-мусульмане» как движение там подавлены: любые независимые исламские кружки быстро запрещаются (так, упоминались случаи разгрома кружков изучения наследия Саида Нурси под предлогом борьбы с экстремизмом). Таким образом, **в России традиционный (суфийский) ислам фактически институционализирован в виде Духовных управлений**, а политический ислам («Ихван» и пр.) загнан в нелегальное поле или маргинализирован.

Подытоживая сравнение:

- «Братья-мусульмане» – массовое транснациональное **политико-религиозное движение**, апеллирующее к созданию исламского государства через социальную мобилизацию и участие в политике.
- **Салафизм – фундаменталистское течение**, требующее буквального исполнения веры; может быть аполитичным (традиционные салафиты) или ультрарадикальным (джихадизм). С «Ихван» конфликтует из-за методов и теологии.
- **Шиитский политический ислам – иерархически организованная модель** (Иран, Хезболла), базирующаяся на шиитской доктрине и военизованных структурах; по отношению к «Ихван» является параллельной альтернативой в другом конфессиональном лагере.
- **Суфизм – традиционная духовная практика**, не ориентирована на захват власти; в современности часто союзник режимов против исламистов. Для «Ихван» не прямая угроза, но и не помощник, так как ценности разные (мистицизм vs активизм).

Заключение

Движение «Братья-мусульмане» за почти столетие эволюции разработало уникальную **модель социальной мобилизации** мусульманских масс, соединяющую религиозную идеологию с политической практикой. Его теория – ислам как всеобъемлющая основа государства – оказалась достаточно привлекательной, чтобы породить десятки филиалов от Марокко до Юго-Восточной Азии. Практическое наследие «Ихван» ощутимо в современных ближневосточных событиях: будь то **Газа**, где **ХАМАС** действует по ихванистским шаблонам создания параллельных социальных служб и вооруженной борьбы, или **Турция**, где партия Эрдогана сочетает **исламизм с популизмом, вдохновляясь прежними успехами «Братства»**. Катар сделал поддержку движений, родственных «Братьям-мусульманам», инструментом своей «мягкой силы» и за это столкнулся с изоляцией со стороны соседей. Одновременно идеологические сооружения «Ихван» тревожат и страны далекой Европы – там власти фиксируют попытки исламистского лобби повлиять на мусульманские общины и дискурс о религии в обществе.

Столкновение различных моделей исламской политичности – будь то суннитский салафизм, шиитский клерикализм или народный суфизм – показывает, что **борьба за «душу» мусульманских обществ продолжается**. В тюркских регионах России и на Кавказе эта борьба принимает форму противостояния официального традиционного ислама (нередко суфийского оттенка) и новых форм протестного фундаментализма. Российское государство, помня уроки распада СССР и войн на Кавказе, решительно подавляет любые организации, напоминающие по методам «Братьев-мусульман» – опасаясь, что за религиозными кружками придут политические требования. В Центральной Азии авторитарные лидеры действуют сходно, не давая появиться даже умеренным исламистским партиям. Тем не менее, коренные причины популярности таких движений – социальная несправедливость, коррупция, поиск людьми идентичности и смысла – остаются. «Братья-мусульмане» предложили свой ответ через призму религии, и хотя их организационная сеть ослаблена репрессиями, **их идеи адаптируются другими группами**. Салафиты, например, отвергают их гибкость, но перенимают энергичный призыв к «очищению» общества; шиитские революционеры разделяют антizападный пафос, но под собственной знаменательной.

Для стратегического прогноза важно понимать: модель «Братьев-мусульман» – это не разовый феномен, а воспроизводимый сценарий, когда религиозная организация берет на себя роль социальной опоры и постепенно рвется во власть, апеллируя к исламу. Турция и Катар показали, что даже государственные акторы могут

эксплуатировать этот сценарий в geopolитических целях, продвигая союзников-исламистов за рубежом. В ответ другие державы консолидируются против исламизма. Так сформировалась своего рода **холодная война внутри мусульманского мира**: про-ихвановский блок vs про-статус-кво блок, сунниты vs шииты, модернисты vs традиционалисты.

В этих условиях международным политикам и аналитикам следует внимательно отслеживать **институциональные и богословские механизмы**, с помощью которых движения типа «Братьев-мусульман» укореняются в обществах. К таким механизмам относятся: создание альтернативных сетей образования и благотворительности, участие в выборах при первой возможности, использование религиозных символов для легитимации протестов, гибкое лавирование между радикалами и умеренными (чтобы расширить поддержку). В богословском плане ихваниты умело сочетают каноны ислама с современными идеями (народный суверенитет, социальная справедливость), что обеспечивает привлекательность для молодежи. Социально они заполняют вакуум там, где ослабевает государство.

Подводя итог, **движение «Братья-мусульмане» остается значимым фактором и «моделью**, к которой так или иначе обращаются как сторонники политического ислама, так и их противники, выстраивая свою политику «от противного». Понимание теологии и практики этой модели – ключ к тому, чтобы прогнозировать развитие мусульманских обществ от Ближнего Востока до постсоветского пространства в ближайшие годы. Как показывает опыт, идеи, однажды овладевшие массами, имеют свойство возвращаться даже после самых жестоких разгонов – в новых формах и под новым лидерством. Поэтому стратегический анализ исламских движений должен учитывать не только силовой аспект, но и **соревнование идей и идентичностей**, в котором «Братья-мусульмане» – лишь один из участников, но с богатым историческим багажом и глобальными амбициями.